

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017811-5

Об эволюции трактовок образа Григория Мелехова в советской литературной критике

© 2021 г. Лю Ядин

Доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы и сравнительной литературы
Института литературы и журналистики
Сычуаньского университета (КНР),
No. 24, South Section 1, Yihuan Road,
Chengdu, Sichuan Province, China
liuyading2007@163.com

Резюме. В статье рассмотрена эволюция литературно-критических трактовок образа Григория Мелехова – главного героя романа М.А. Шолохова “Тихий Дон”. Отмечается, что на начальном этапе критические оценки носили во многом вульгарный характер и были связаны с политической конъюнктурой. Исследователи выделяли в этом образе противоположные составляющие (“два Григория”), однако первичным для них был анализ классовых заблуждений персонажа. После смерти И.В. Сталина критика изменила свое направление, и образ Григория Мелехова начал позиционироваться как образ “блудного сына” своего народа. На третьем этапе, в 1970–1980-х годах, критики смогли полностью отказаться от вульгарно-социологических методов и оценок и приблизиться к пониманию авторской концепции образа Григория Мелехова.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, “Тихий Дон”, Григорий Мелехов, литературная критика.

Для цитирования: Лю Ядин. О противоречивости трактовок образа Григория Мелехова в советской литературной критике // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 46–52. DOI: 10.31857/S241377150017811-5

On the Evolution of Interpretations of the Image of Grigory Melekhov in the Soviet Literary Criticism

© 2021 Liu Yadin

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Department of World Literature and Comparative Literature
in the School of Literature and Journalism
of Sichuan University (China)
No. 24, South Section 1, Yihuan Road,
Chengdu, Sichuan Province, China
liuyading2007@163.com

Abstract. The article examines the history of Soviet literary criticism, dedicated to the image of Grigory Melekhov – the main character of M.A. Sholokhov’s novel “And Quiet Flows the Don”. It is noted that at the initial stage of literary criticism the interpretations contained vulgar overtones closely related to the ideological perception of the image of Grigory Melekhov. Researchers distinguished the opposite components within the image (“two Gregory”), but primarily they were concerned with the so-called ideological faults of the character. After the death of I.V. Stalin, the mainstream Soviet criticism seems to have changed its direction, rethinking the image of Grigory Melekhov as that of the “prodigal son” among his people. Yet another, the third turn in critical thought occurred in the 1970s and 1980s, when the critics

were able to completely abandon the vulgar sociological interpretations of the character of Grigory Melekhov, approaching Sholokhov's work on the terms suggested by the writer himself.

Key words: M.A. Sholokhov, "And Quiet Flows the Don", Grigory Melekhov, literary criticism.

For citation: Liu Yadin. *Ob evoliutsii traktovok obraza Grigoriya Melekhova v sovetskoj literaturnoy kritike* [On the Evolution of Interpretations of the Image of Grigory Melekhov in the Soviet Literary Criticism]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 46–52. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017811-5

Мнение о литературном персонаже у каждого читателя индивидуально, кем бы он ни был — обычным любителем литературы или литературным критиком. Мнения советских критиков и литературоведов о Григории Мелехове, главном герое романа М.А. Шолохова "Тихий Дон", были не только различными в разное время, но нередко и противоположными, и споры вокруг этого образа были бурными. В истории литературной критики такая ситуация в связи с определенным литературным персонажем встречается нечасто. Статьи, посвященные изучению образа Григория Мелехова, не только дают различные его интерпретации, характерные для времени их написания, но и помогают ознакомиться с историей самой советской литературной критики, являющейся логическим дополнением к истории советской литературы.

Цель нашей статьи — проанализировать различные позиции по отношению к образу Григория Мелехова, сложившиеся на разных этапах развития советской литературной критики¹.

1. "Два Григория"

Первый этап критического осмысления образа Григория Мелехова в советском литературоведении и литературной критике — с 1928 г., когда вышли из печати первые части романа, до 1953 г. — можно обозначить как время преобладания концепции "двух Григориев". В.В. Петелин отмечал, что эта концепция была определяющей в восприятии образа Григория Мелехова в 1930–1940-х годах: с одной стороны, на страницах романа перед читателями предстает решительный и мужественный герой, судьба которого заслуживает их внимания и сострадания, а с другой — "Григорий Мелехов, находясь во враждебном советской власти лагере, теряет свои положительные

качества, постепенно превращается в жалкое и страшное подобие человека" [1, с. 158]. Как положительные, так и отрицательные его оценки в данный период были тесно связаны с общими тенденциями развития советской литературной критики, с политической ситуацией и специфической психологией читателей того времени.

Последняя, восьмая часть "Тихого Дона", опубликованная в журнале "Октябрь" в 1940 г., вызвала полемику. В.Ц. Гоффеншефер называл Григория "искателем общественной истины", однако теперь было необходимо дать объяснение его приходу в банду Фомина (в конце романа), найти оправдание герою, и критик нашел его в том, что Шолохов, завершая повествование о жизни Григория-искателя, решил показать поиск героем внутреннего покоя (см.: [2]). Л.И. Левин защищал Григория по-другому: он подчеркивал, что судьба героя зависит от позиции, на которой он сам настаивает, поэтому существует возможность возрождения героя в дальнейшем (см.: [3]). Положительные оценки критиков отражали их отношение к самому Шолохову. 19 мая 1940 г. состоялось первое обсуждение "Тихого Дона" в клубе Союза советских писателей. В.Ц. Гоффеншефер и Ю.Б. Лукин, выступившие на этом обсуждении, утверждали, что Шолохов в своем творчестве продолжает традиции русских классиков, а роман "Тихий Дон" — классическое произведение советской литературы. Однако были и отрицательные оценки образа Григория Мелехова в конце романа.

А.Н. Толстой, выступая на обсуждении "Тихого Дона" в комитете по Сталинским премиям, говорил: "Григорий не должен уйти из литературы как бандит. Это неверно по отношению к народу и к революции"; конец четвертой книги романа, по его мнению, не просто компрометирует образ Григория Мелехова, но одновременно нарушает целостность художественного мира, созданного писателем в "Тихом Доне" [4, с. 20–21]. И.Г. Лежнев в книге "Михаил Шолохов" (1948) писал, что "...в июне 1919 года он <Мелехов> целиком солидарен с кулаками", "с новой силой воспылал ненавистью к большевикам", и «с тех пор, как он

¹ Автор выражает признательность госпоже Би Цзюжу за перевод данной статьи на русский язык. Основные ее положения ранее были представлены на китайском языке в одном из разделов коллективной монографии: "Исследования по истории изучения творчества М.А. Шолохова / Ред.: Лю Ядин и др." (Нанкин: Изд-во "Илинь", 2014. 320 с. [на китайск. яз.]).

внутренне солидаризировался с кулаками, он стал “бирюком”» [5, с. 128–131].

Такие критики, как В.В. Ермилов и Л.Г. Якименко, делали акцент на силе “дикой страсти”, которая управляет Григорием Мелеховым, и духовном вакууме его образа, ставшего в глазах критиков отрицательным примером сильного, но неправого по сути героя (см.: [6, с. 3]; [7, с. 266–267]; см. также: [8, с. 159]), то есть и у них образ Григория получил отрицательную оценку как со стороны его общественного значения, так и в отношении художественной ценности.

Ряд критиков до выхода в свет восьмой части романа высказывали надежду, что писатель сможет “вывести” Григория на правильный путь. Например, И.М. Машбиц-Веров называл Григория Мелехова “революционным новым казаком” и предполагал, что писатель должен привести его к коммунизму (см.: [9]). Конечно, увидев “неисправимого Григория Мелехова” в последней части романа, такие критики испытали разочарование.

А.М. Горький еще в начале 1930-х годов, с одной стороны, высоко оценивал роман “Тихий Дон”, а с другой – осуждал политические ориентиры его автора. В письме к А.А. Фадееву от 3 июня 1931 г. он утверждал, что Шолохов находится на “границе между двух начал”, и не соглашался с тем, что “одно из этих начал в сущности – конец, неизбежный конец старого казацкого мира”, потому что писатель “сам еще казак, существо, биологически связанное с определенной географической областью, определенным социальным укладом”, и подчеркивал, что «...третья часть “Тихого Дона” говорит именно о том, что Шолохов – “областной писатель”» (цит. по: [8, с. 159]). Как видно, Горький не просто отмечал классовый характер образа Григория Мелехова, но и подчеркивал врожденную связь между писателем и его героем.

В.В. Ермилов и другие критики, которые в свое время играли активную роль в руководстве и формировании идейно-эстетических позиций РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), считали Шолохова сомнительным пролетарским писателем именно из-за его сочувствия Григорию Мелехову. Можно сказать, что осуждение такими критиками Григория означало на тот момент отрицание самого Шолохова.

Важный вопрос, на который стремились найти ответ литературные критики в 1930–1940-х годах, – является ли Григорий Мелехов трагическим персонажем. И.Г. Лежнев, Л.Г. Якименко, Б.А. Емельянов и некоторые другие критики давали на этот вопрос положительный ответ:

Григорий – трагический герой, и в финале он наказан за свои грехи. По их мнению, трагические судьбы и типичность характеров персонажей, изображенных в “Тихом Доне”, вытекали из реальной жизни и определялись объективным историческим процессом. Так, И.Г. Лежнев отмечал, что трагедия Григория Мелехова символизировала не только утрату старых традиций, но и подчинение силе революционного народа (см.: [10]). Однако эта точка зрения не была преобладающей. Многие соглашались с В.В. Ермиловым, который, оценивая последнюю часть “Тихого Дона”, приходил к выводу, что Григорий не достоин названия “трагического героя”, потому что мотивы его действий слишком ничтожны для такого героя [6].

Общая направленность полемики вокруг образа Григория Мелехова 1930–1940-х годов заключалась в подчеркивании классовых атрибутов героя. В оценках критиков того времени, надо признать, было немало справедливого, но некоторые их замечания все-таки имели не литературные, а политические основания, и это усложняло проблему осмысления образа главного героя “Тихого Дона”. Широко было распространено представление о том, что литература – это участок партийной работы. В резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. “О политике партии в области художественной литературы” конкретизировалась основная задача коммунистической критики, которая должна “беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе, раскрывать сменовеховский либерализм и т.д. и в то же время обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем тем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом и пойдут с ним” [11].

Советскими литературными критиками этого периода был добровольно принят культурно-исторический метод анализа литературы. Одним из важных явлений социального фона романа “Тихий Дон” была Гражданская война; писатель изображал трагические события, произошедшие совсем недавно, так что главный интерес критиков состоял в определении классово-социальной сути образа Григория Мелехова. Увлекаясь темой общественной значимости образа, критики намеренно или случайно игнорировали эстетическую ценность, воплощенную в нем (по выражению Шолохова – “очарование человека”). Элементы вульгарной социологии, привнесенные критиками в культурно-исторический метод, не могли быть плодотворными.

На осмысление образа Григория Мелехова в этот период заметно влияли некоторые психологические факторы, которые также необходимо обозначить. Первая книга “Тихого Дона”, вызвавшая огромный читательский интерес, вышла, когда Шолохову было всего 22 года. Он очень быстро стал знаменитым писателем, и не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В литературных и околосредовых кругах не могла не зародиться зависть к молодому автору, не могли не начаться попытки вытеснить его из круга советских писателей. Хотя Шолохов участвовал в РАПП и был членом редколлегии журнала “Октябрь”, он не был избран в секретариат РАПП. В тот же период появились и слухи о литературной краже, о возможном наличии соавтора “Тихого Дона”. Вместе с тем, с художественной точки зрения роман представлял собой безупречное литературное произведение, и критиковать его было затруднительно. В.В. Ермилов на I Пленуме РАПП в октябре 1928 г. объявил “Тихий Дон” завоеванием пролетарской литературы, а самого Шолохова причислил к лику “пролетарских” писателей [6]. Однако с выходом новых частей романа критики-рапповцы с удовольствием стали замечать, что путь Григория невозможно приблизить к пути большевика, и началась волна отрицания этого образа.

Критики осуждали классовую недалекость Григория Мелехова и одновременно нападали на самого Шолохова. И.Г. Лежнев в 1940 г. писал, что “Тихий Дон” стал энциклопедией жизни старого казачества, но писатель слишком сочувственно относится к его классовым проблемам, не принимая большевистские завоевания [12]. Известно, что И.В. Сталин еще в июле 1929 г. упомянул Шолохова в письме Феликсу Кону, партийному журналисту, с более чем прохладным комментарием, заметив, что Григория Мелехова “нельзя считать типичным представителем крестьянства. Белые генералы не могли назначить командовать дивизией крестьянина без офицерского чина” (цит. по: [13, с. 57]). В.О. Осипов в книге “Тайная жизнь Михаила Шолохова” (1995) [13] высказал предположение, что жестокая атака критиков на Григория, возможно, проистекала из сталинской оценки этого образа. Именно поэтому те, кто в данный период нападали на Шолохова и его героя, были так нетерпимы и так стремились разрушить позитивное восприятие “Тихого Дона”.

2. “Драматическая эволюция”

Второй этап критического осмысления образа Григория Мелехова начинается в 1950-х годах,

его можно обозначить термином “драматическая эволюция”. Несмотря на то что в критике и тогда продолжают существовать противоположные, в том числе негативные, взгляды на этот образ, положительное отношение к нему постепенно одерживает верх.

Изменения позиции литературной критики по отношению к образу Григория Мелехова можно охарактеризовать как драматические потому, что на них оказали влияние политические факторы, прежде всего — смерть Сталина и начавшиеся трансформации в советском обществе. Ярким примером драматического переосмысления образа Григория являются статьи упоминавшегося выше И.Г. Лежнева. Если ранее он определял Григория как “врага народа” (см.: [10]; [12]), то теперь он же выдвигает идею “потери блудного сына”, говорит о “трагедии исторического заблуждения” героя. В.О. Осипов отмечал, что в работах 1940-х годов “Лежнев клянется в любви к писателю Шолохову, много пишет о нем, но изо всех сил внедряет установку Сталина, что Мелехов отщепенец. Этим унижал великую значимость романа и принижал смелость его автора” [13, с. 149]. Видимо, первоначально критику было поручено очернить образ Григория Мелехова и великий труд его автора, но его отношение к роману и герою изменилось после смерти заказчика. И в 1955 г. тот же И.Г. Лежнев отмечает, что у Григория Мелехова особый характер, что он — сын крестьянина-середняка, причем “заблудший сын”, достойный сочувствия и понимания (см.: [14]).

В 1957 г. литературовед А.Ф. Бритиков пишет: “Но верно ли, что в отрыве от народа — главная трагедия Григория? <...> Григорий больше всего страдает от того же, от чего страдает масса, от ложно понятой правды, от исторического заблуждения. <...> Трагедия же Григория — и сила его трагизма, и общественное содержание ее — в том, прежде всего, что, идя вместе с массой, герой заблудился сильнее ее” [15, с. 163]. А.Ф. Бритиков, как и И.Г. Лежнев, вывел Григория из круга “врагов народа” и увидел в нем в первую очередь простого казака. В данных исследованиях получила свое оформление мысль о “трагедии исторического заблуждения Григория Мелехова”, которая впервые была высказана еще в 1940 г. Б.А. Емельяновым (см.: [16]), но тогда осуждение “мелеховщины” в критике было еще слишком сильным и эта мысль не получила развития.

Дискуссия о том, является образ Григория Мелехова положительным или отрицательным, вызвала другой вопрос: является ли он главным героем “Тихого Дона”? По мнению Л.Г. Якименко,

«подлинным героем “Тихого Дона” является народ, утверждающий в борьбе новую социалистическую действительность» [7, с. 163]. Почему Григорий Мелехов находится в центре романа? Почему этот “мятежник” вызывает у читателей симпатию? Такие вопросы породили широкие дискуссии. А.Ф. Бритиков писал, что Григорий Мелехов все-таки является главным эпическим персонажем “Тихого Дона”, что вытекает из специфики романа и места Григория в повествовании [15]. Большинство критиков придерживалось того же мнения, но Л.Г. Якименко пытался защищать свою точку зрения, и в его уникальных замечаниях была определенная мудрость: он, несомненно, понимал истинные намерения Шолохова (который рассказывает о судьбе мятежника-Григория, защищая своего героя) и называл народ главным героем романа, чтобы оправдать писателя, подчеркнуть независимость его позиции (см. также: [17]).

Перелом в оценке личности Григория Мелехова произошел спустя еще некоторое время. В 1975 г. В.Р. Щербина отметил, что методология анализа образа Григория Мелехова должна быть принципиально изменена, подчеркнув, что трагедия Григория заключалась в несовместимости личности и описанных в романе исторических событий; по утверждению исследователя, в образе Григория Мелехова изображен конфликт, связанный с внутренней трансформацией личности человека в период исторических изменений (см.: [18, с. 3–49]).

С 1950-х годов Григория начинают позиционировать как искателя истины. Так, Н. Чуковский сопоставляет образы Григория Мелехова и Чапаева и называет первого из них борцом, который стремится найти истину в реальной жизни и именно поэтому завоевывает сердце читателя. То, что Григорий воюет то в красной, то белой армиях, то, что он колеблется в выборе, объясняется мучительным поиском правды. В отличие от Чапаева, Григорий Мелехов не сумел найти истину, но, по мнению критика, читатель может осознать высшую правду социалистической революции, анализируя именно поиски Григория (см.: [19]). Это мнение позднее было поддержано многими исследователями, в том числе Л.Ф. Ершовым [20], А.И. Метченко [21] и другими авторами, которые в 1970–1980-х годах довели идею позитивного осмысления образа Григория до крайности. Так, Е.И. Тамарченко в статье «Идея правды в “Тихом Доне”» (1990) подчеркивает, что Григорий не просто является главным героем романа, он также выступает как представитель народа и

положительный герой, в характере которого воплощены важные человеческие истины [22].

3. Три важных поворота

Со временем Шолохов стал восприниматься в литературоведении как один из самых успешных писателей в истории советской литературы. Этот факт не мог не отразиться на литературной критике, посвященной образу Григория Мелехова. Анализируя исследования советских критиков и ученых, мы видим, что имели место три важных поворота в осмыслении ими этого образа.

Первый поворот связан с эволюцией в отношении критики к Шолохову, создателю образа Григория Мелехова. Выше уже отмечалось, что, негативно оценивая этот образ, критики стремились к утверждению позитивного образа самого писателя. При этом некоторые критики, чтобы защитить репутацию Шолохова, подчеркивали, что главным героем романа является не Григорий Мелехов, а народ. В 1980-х годах благодаря закреплению в критике положительной оценки Григория авторское сострадание к нему, ранее служившее к порицанию писателя, стало оцениваться позитивно. Так, В.В. Гура, проведя детальный анализ текста романа, выясняет, что автор сочувствует Григорию, что он “где-то совсем рядом со своим героем, отзывчив к его чувствам, переживает вместе с ним, вместе с ним вдыхает запах родной земли, вместе с ним выбирает дорогу жизни” [8, с. 174]. По мнению ученого, Григорий понял, что он был не прав, когда решил принять участие в Вешенском восстании. Критики позднего советского времени постепенно устанавливают отношение писателя к его герою как эмоциональное, полное понимания и сочувствия.

Второй поворот в осмыслении образа Григория Мелехова связан с изменением метода анализа — с отказом литературной критики от преобладания социально-исторического метода в пользу иных методов исследования. Появилось понимание ценности образа Григория Мелехова с эстетической точки зрения. Конечно, дискуссия о трагичности образа в предыдущий период развития критики тоже находилась в эстетической плоскости, но теперь на первый план вышли личностные особенности героя, гениально воплощенные автором в художественном тексте. А.И. Хватов рассматривает человеческие качества образа Григория Мелехова как ценность [23]. В.М. Тамахин также посвящает исследование осмыслению художественной ценности этого образа [24]. В научных работах позднего советского времени, касающихся образа Григория Мелехова, он постигается

с философских, общечеловеческих позиций, в системе связи человека с природой и обществом.

Третий поворот – это переход от рассмотрения только социально-исторического содержания образа Григория Мелехова к более тщательному изучению его человеческой сущности. Этот поворот находится в сфере не только литературоведения, он имеет отношение к философии и психологии искусства. Так, Л.Ф. Ершов отмечал, что «автор “Тихого Дона” заговорил о трагизме исторического перехода от старого, веками формировавшегося уклада, к новому строю жизни. Он разглядел такое глубинное содержание переходной эпохи от капитализма к социализму, которое ускользало от взора многих писателей. Отсюда у Шолохова иная диалектика восприятия классового по сравнению с большинством его современников» [20, с. 408]. По мнению ученого, опыт творчества Шолохова имеет универсальный характер и общечеловеческий смысл. Данное направление литературоведческих и критических изысканий наиболее перспективно, так как демонстрирует отказ от игнорирования ценности индивида и стремление рассмотреть героя с позиций антропоцентризма, ставшего основой современной науки.

Несмотря на сложность процессов, определявших развитие советской литературной критики и науки о литературе, в конечном счете советские (и современные российские) исследователи смогли преодолеть влияние вульгарной социологии и постепенно приблизились к пониманию авторской концепции изображения героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петелин В.В.* Михаил Шолохов: Страницы жизни и творчества. М.: Сов. писатель, 1986. 434 с.
2. *Гоффеншефер В.Ц.* Заметки о “Тихом Доне” // Литературное обозрение. 1940. № 6. С. 3–9.
3. *Левин Л.И.* Шолохов и Мелехов // Знамя. 1941. № 4. С. 194–216.
4. *Толстой А.Н.* Четверть века советской литературы М.: Сов. писатель, 1943. 38 с.
5. *Лежнев И.Г.* Михаил Шолохов. М.: Сов. писатель, 1948. 519 с.
6. *Ермилов В.В.* О “Тихом Доне” и трагедии // Литературная газета. 1940. № 43. С. 2–4.
7. *Якименко Л.Г.* “Тихий Дон” М. Шолохова. О мастерстве писателя. М.: Сов. писатель, 1954. 404 с.
8. *Гура В.В.* Как создавался “Тихий Дон”: Творческая история романа М. Шолохова. М.: Сов. писатель, 1989. 460 с.
9. *Машбиц-Веров И.М.* М. Шолохов // Новый мир. 1928. № 10. С. 225–236.
10. *Лежнев И.Г.* Мелеховщина // Звезда. 1941. № 2. С. 160–170.
11. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О политике партии в области художественной литературы”. 18 июня 1925 г. // Известия ЦК РКП(б). 1925. № 25–26. С. 8–9.
12. *Лежнев И.Г.* Две души: О “Тихом Доне” М. Шолохова // Молодая гвардия. 1940. № 10. С. 119–144.
13. *Осипов В.О.* Тайная жизнь Михаила Шолохова: Документальная хроника без легенд. М.: Либерия; Раритет, 1995. 413 с.
14. *Лежнев И.Г.* Эпопея народной жизни // Октябрь. 1955. № 5(10).
15. *Бритиков А.Ф.* Образ Григория Мелехова в идейно-художественной концепции “Тихого Дона” // Историко-литературный сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 160–173.
16. *Емельянов Б.С.* О “Тихом Доне” и его критиках // Литературный критик. 1940. № 11–12. С. 184–193.
17. *Якименко Л.Г.* Творчество Шолохова. М.: Сов. писатель, 1977. 664 с.
18. Михаил Шолохов: Статьи и исслед.. М.: Худож. лит., 1975. 326 с.
19. *Чуковский Н.* Создание характера: Чапаев и Григорий Мелехов // Знамя. 1956. № 4. С. 170–185.
20. *Ершов Л.Ф.* История русской советской литературы: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1988. 655 с.
21. *Метченко А.И.* Мудрость художника: О М.А. Шолохове. М.: Современник, 1976. 190 с.
22. *Тамарченко Е.И.* Идея правды в “Тихом Доне” // Новый мир. 1990. № 6. С. 237–274.
23. *Хватов А.И.* Шолохов в художественных исканиях современности: Статья 1 // Наш современник. 1984. № 4. С. 166–176.
24. *Тамарченко Е.И.* Поэтика Шолохова-романиста. Ставрополь, 1980. 269 с.

REFERENCES

1. Petelin, V.V. *Mikhail Sholokhov: Stranicy zhizni i tvorchestva* [Mikhail Sholokhov: Pages of Life and Creativity]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1986. 434 p. [In Russ.]
2. Goffenshefer, V.C. *Zametki o "Tihom Done"* [Notes on "And Quiet Flows the Don"]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. 1940, No. 6, pp. 3–9. [In Russ.]
3. Levin, L.I. *Sholokhov i Melekhov* [Sholokhov and Melekhov]. *Znamya* [The Banner]. 1941, No. 4, pp. 194–216. [In Russ.]

4. Tolstoy, A.N. *Chetvert veka sovetskoj literatury* [A Quarter of a Century of the Soviet Literature]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1943. 38 p. [In Russ.]
5. Lezhnev, I.G. *Mihail Sholohov* [Mikhail Sholokhov]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1948. 519 p. [In Russ.]
6. Ermilov, V.V. *O "Tihom Done" i tragedii* [On "And Quiet Flows the Don" and Tragedy]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Magazine]. 1940, No. 43, pp. 2–4. [In Russ.]
7. Yakimenko, L.G. *"Tihij Don" M. Sholohova. O masterstve pisatelya* ["And Quiet Flows the Don" by Sholokhov. On the Skill of the Writer]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1954. 404 p. [In Russ.]
8. Gura, V.V. *Kak sozdavalsya "Tihij Don": Tvorcheskaya istoriya romana* [How the "And Quiet Flows the Don" was Created: The Creative History of the Novel of M. Sholokhov]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1989. 460 p. [In Russ.]
9. Mashbic-Verov, I.M. M. *Sholohov* [Sholokhov]. *Novyj mir* [The New World]. 1928, No. 10, pp. 225–236. [In Russ.]
10. Lezhnev, I.G. *Melekhovshchina* [The Melikhov Phenomenon]. *Zvezda* [The Star Magazine]. 1941, No. 2, pp. 160–170. [In Russ.]
11. *Postanovlenie Politbyuro CK RKP(b) "O politike partii v oblasti hudozhestvennoj literatury". 18 iyunya 1925 g.* [Resolution of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) "On the Party's Policy in the Field of Fiction". June 18, 1925]. *Izvestiya CK RKP(b)* [The News of the Central Committee of the RCP(b)]. 1925, No. 25–26, pp. 8–9. [In Russ.]
12. Lezhnev, I.G. *Dve dushi: O "Tihom Done" M. Sholohova* [Two Souls: on "And Quiet Flows the Don" by M. Sholokhov]. *Molodaya gvardiya* [The Young Guard]. 1940, No. 10, pp. 119–144. [In Russ.]
13. Osipov, V.O. *Tajnaya zhizn Mihaila SHolohova: Dokumentalnaya hronika bez legend* [The Secret Life of Mikhail Sholokhov: A Documentary Chronicle Without Legends]. Moscow, Libereya, Raritet Publ., 1995. 413 p. [In Russ.]
14. Lezhnev, I.G. *Epopеya narodnoy zhizni* [The Epic of Folk Life]. *Oktjabr* [The October]. 1955, No. 5(10). [In Russ.]
15. Britikov, A.F. *Obraz Grigoriya Melekhova v idejno-hudozhestvennoj koncepcii "Tihogo Dona"* [The Image of Grigory Melekhov in the Ideological and Artistic Concept of the "And Quiet Flows the Don"]. *Istoriko-literaturnyj sbornik* [Historical and Literary Collection]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957, pp. 160–173. [In Russ.]
16. Emelyanov, B.S. *O "Tihom Done" i ego kritikah* [On the "And Quiet Flows the Don" and his Critics]. *Literaturnyj kritik* [Literary Critic]. 1940, No. 11–12, pp. 184–193. [In Russ.]
17. Yakimenko, L.G. *Tvorchestvo Sholohova* [Creativity of Sholokhov]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1977. 664 p. [In Russ.]
18. *Mihail Sholohov: Statji i issled.* [Mikhail Sholokhov: Articles and Researches]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1975. 326 p. [In Russ.]
19. Chukovskiy, N. *Sozdanіe haraktera: Chapaev i Grigorij Melekhov* [Character Creation: Chapaev and Grigory Melekhov]. *Znamya* [The Banner]. 1956, No. 4, pp. 170–185. [In Russ.]
20. Ershov, L.F. *Istoriya russkoj sovetskoj literatury: ucheb. posobie* [History of Russian Soviet Literature: Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 655 p. [In Russ.]
21. Metchenko, A.I. *Mudrost hudozhnika: O M.A. Sholohove* [The Wisdom of the Artist: About M.A. Sholokhov]. Moscow, Sovremennik Publ., 1976. 190 p. [In Russ.]
22. Tamarchenko, E.I. *Ideya pravdy v "Tihom Done"* [The Idea of Truth in the "And Quiet Flows the Don"]. *Novyj mir* [The New World]. 1990, No. 6, pp. 237–274. [In Russ.]
23. Hvatov, A.I. *Sholohov v hudozhestvennyh iskaniyah sovremennosti: Statya 1* [Sholokhov in the Artistic Quest of Modernity: Article 1]. *Nash sovremennik* [Our Contemporary]. 1984, No. 4, pp. 166–176. [In Russ.]
24. Tamakhin, V.M. *Poetika Sholohova-romanista* [The Poetics of Sholokhov the Novelist]. Stavropol, 1980. 269 p. [In Russ.]

*Дата поступления материала в редакцию: 24 сентября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 октября 2021 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.
Дата публикации: 31 декабря 2021 г.*

*Received by Editor on September 24, 2021
Revised on October 10, 2021
Accepted on October 15, 2021
Date of publication: December 31, 2021*